

Сергей Фокин

Санкт-Петербургский государственный
Экономический университет
serge.fokine@yandex.ru

Sergey Fokin

St. Petersburg state university of economics
serge.fokine@yandex.ru

ЦВЕТАН ТОДОРОВ И ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

TZVETAN TODOROV AND NOTES FROM UNDEGROUND

В статье рассматривается рецепция творчества Ф. М. Достоевского в работах одного из самых видных литературоведов Франции второй половины XX века Ц. Тодорова. Следуя методу истории идей, нацеленному не столько на систематическую реконструкцию какой-либо доктрины, сколько на пристальное внимание к различным контекстам реализации мысли — биографическому, историческому, политическому социологическому, автор приходит к тем положениям, в которых раскрывается многоуровневая организация повести *Записки из подполья*, представленная в программной статье французского ученого. Речь идет об идеологии героя, структуре повествования, диалектике раба-господина, философии «бытия и другого» и, наконец, слове автора, заключенном в персонаже Лизы, не вписывающемся ни в одну из логик, действующих в тексте Достоевского. Выводы работы сводятся к тем положениям, что размышления французского ученого о многоуровневой организации повествования в *Записках из подполья* открывают перспективы более глубокого постижения тех бездн, провалов, пустот, изведать которые случилось Достоевскому, передоверившему персонажу свой уникальный опыт столкновения с ничтожеством человечности в человеке: каторга, рулетка, любовные треугольники, борьба за признание.

Ключевые слова: Достоевский, *Записки из подполья*, Тодоров, французская интеллектуальная революция, структурализм, диалектика раба-господина.

The article dwells upon the reception of Fyodor Dostoyevsky's œuvre in the works of one of the most prominent literary critics of the second half of the XXth century's France Tzvetan Todorov. Following the history of ideas method aimed not so much at a systematic reconstruction of a doctrine but on intent attention to different contexts of realisation of thought — biographical, historical, political, sociological — the author comes to conclusions unveiling a multilevel organisation of the novel *Notes from Underground*, presented in a programme article of the French scholar. He talks about the hero's ideology, the text structure, the master-servant dialectics, the «being and other» philosophy and, finally, the author's word spoken through Liza's character that does not

seem to fit any of the logics at work in Dostoyevsky's text. We conclude that Todorov's ponderings on the multilevel organisation of *Notes from Underground* allow for a deeper understanding of the abyss, failure and emptiness that Dostoyevsky was to confront and that he entrusted to the character his unique experience of confrontation with human pettiness in man : penal servitude, roulette, love triangle, struggle for recognition.

Key words: Dostoyevsky, *Notes from Underground*, Todorov, French intellectual revolution, structuralism, master-servant dialectics.

Цветан Тодоров (1939–2017) по праву принадлежит к тому могучему поколению французских ученых-гуманитариев, труды и дни которого получили признание в мировой интеллектуальной культуре под громким названием «French Theory» (Cusset 2003; Кюссе 2005): разработанная в сочинениях выдающихся историков, лингвистов, литературоведов, мыслителей, писателей, философов (Л. Альтюссер, А. Бадью, Р. Барт, Э. Бенвенист, М. Бланшо, П. Бурдьё, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ж. Женетт, Ю. Кристева, Ж. Лакан, Ф. Лаку-Лабарт, Ж.-Ф. Лиотар, Ж.-Л. Нанси, П. Нора, Ж. Рансьер, М. де Серто, М. Фуко и др.), «французская теория» может и должна рассматриваться как истинная интеллектуальная революция, если под последней понимать переворот в искусстве, или способе, мышления, как определял этот феномен И. Кант в «Предисловии ко второму изданию “Критики чистого разума”» (Кант 1994: 14–16). Восходя к новаторским разработкам теоретиков Франции рубежа 50–60-х годов («структурализм»), французская интеллектуальная революция явилась, с одной стороны, своего рода идейным аккомпанементом политических потрясений 1968 года, тогда как с другой — революционной трансформацией способа мыслить в теории и практике таких университетских дисциплин, как антропология, история, литературоведение, психоанализ, социология, философия, экономика, эстетика, породив четко опознаваемый интеллектуальный феномен, зафиксированный двадцать лет спустя философами-консерваторами в понятии «мышление 1968 года» (Ferry, Renaut 1985)¹.

Однако с самого начала участие Тодорова в этом революционном прорыве не было лишено двусмысленности, поскольку в политическом плане французская интеллектуальная революция была устремлена туда, откуда болгарский студент прибыл в Париж летом 1963 года: в пространство трагического опыта созидания коммунистического общества. Молодой Тодоров не понаслышке знал то прекрасное коммунистическое далеко, к которому всей душой тянулись парижские интеллектуалы.

¹ Появление этой работы, странным образом совпавшее с принятием курса на разрушение коммунистического проекта в России, публично ознаменовало исчерпание революционного порыва парижских интеллектуалов и начало «новой консервативной революции» во Франции. Показательно, что в интеллектуальном плане все новаторские достижения «французской теории» были сведены в этом контрреволюционном памфлете к пещерному «анти-гуманизму».

По-видимому, именно определенная раздвоенность сознания, характерная для человека социалистического, определила двойственное положение Тодорова в умственном движении поколения 68-го года: разделяя или даже закладывая теоретические основания интеллектуальной революции, он оставался чужд политическому активизму своих единомышленников, что, впрочем, не помешало французской полиции привлечь его задним числом к ответу за организацию парижских беспорядков. Более того, бдительные «французские чекисты» обвинили молодого литературоведа не только в организации майской весны в Париже, но и в шпионаже в пользу социалистической Болгарии. Абсолютный абсурд ситуации определялся не только тем, что 1967–1968 учебный год Тодоров провел в Соединенных Штатах, где преподавал в Йельском университете, но и тем, что он к тому времени стал убежденным антикоммунистом, более чем скептически воспринимая политические зигзаги своих парижских коллег, оказавшихся, по его позднейшему суждению, во власти «коллективного бреда»².

Теоретическая эволюция Тодорова также не лишена двусмысленности. Он начал свою научную карьеру как переводчик и комментатор текстов русских формалистов. Подготовленная им антология *Теория литературы. Тексты русских формалистов*, которая вышла в свет в 1965 году, стала одним из первых буревестников тех умственных потрясений, которые предстояло пережить интеллектуальной Франции: в 1966 появились *Слова и вещи* Фуко, *Критика и истина* Барта, *Сочинения* Лакана, *Проблемы общей лингвистики* Бенвениста, книги-маяки, по-новому осветившие всю арену французской интеллектуальной жизни. Предисловие к антологии написал сам Р. Якобсон (1896–1982), с которым Тодоров вскоре сблизился, став со временем одним из наиболее активных пропагандистов творчества русского филолога во Франции. Правда, в дальнейшем болгарско-французский ученый занял более критическую позицию в отношении великого русского филолога, болезненно реагируя на ту связку политического, поэтического и теоретического, которая была характерна для русского авангарда 10–20 годов вообще и которая явилась, в частности, узловым моментом в интеллектуальном становлении молодого Якобсона. Так или иначе, но здесь необходимо сделать одно существенное уточнение: французская интеллектуальная революция 60–80 годов немыслима без «русской теории» 10–30 годов, которая стала одной из реальных движущих сил в революционных трансформациях гуманитарных наук во Франции (*Русская теория* 2004). Возвращаясь к обзору интеллектуальной эволюции Тодорова, следует заметить, что во второй поло-

² Все факты биографии ученого приводятся по книге *Отрады и долги*, представляющей собой сборник мемуарных интервью Тодорова с журналисткой К. Портевэн, в заключение которого помещено автобиографическое эссе «Жизнь проводника» (Todorov 2002a).

вине 60-годов начинающий литературовед, как будто в пандан политическому активизму своих ближайших коллег, сделал ставку на своего рода теоретический экстремизм, пытаясь построить предельно строгую науку о литературе. За антологией русского формализма, на рубеже 60–70-х годов переведенной на итальянский, испанский, японский языки, последовали монографии *Литература и Значение* (1967), *Введение в фантастическую литературу* (1970), *Поэтика прозы* (1971), *Энциклопедический словарь наук о речи* (1972), *Теории символа* (1977); все эти работы, а также ряд других составляют первый этап интеллектуального маршрута Тодорова, который можно назвать «на пути к строгой науке о литературе»; все эти работы почти без задержек переводились на английский, немецкий и другие иностранные языки, что повсеместно укрепляло научный авторитет автора; все эти работы вошли в золотой фонд того, что в широком культурном сознании существовало под названием «структурализм» или, чуть позднее, «постструктурализм».

В отношении данных наименований также необходимо принципиальное уточнение: сам Тодоров никогда не признавал близости своей теоретической программы к «структурализму», хотя был тесно связан с такими светилами нового знания, как Э. Бенвенист, К. Леви-Стросс, Р. Барт, под руководством которого он в 1969 году защитил докторскую диссертацию на тему *Грамматика «Декамерона»*. Более того, с определенного момента именно критика «структурализма» стала одной из движущих сил его интеллектуальной эволюции. В пику опытам применения методов структурного анализа к литературе, классическим примером которых остается знаменитая статья о Р. Якобсона и К. Леви-Стросс о «Кошках» Бодлера (1962), Тодоров разрабатывал то, что сам называл *Поэтикой*: так был назван журнал, который он в 1970 году основал вместе с Ж. Женнетом и Э. Сиксу, так же называется книжная серия, которую Тодоров возглавил в парижском издательстве «Seuil», так же называется одна из самых известных книг ученого, первое издание которой увидело свет в том же 1968 году как отдельная глава в коллективном труде-манифесте *Что такое структурализм?* (Todorov 1973; Тодоров 1975).

Поэтика, по Тодорову, занимается исследованием универсалий и в этом отношении она восходит к классической *Поэтике* Аристотеля. Однако, следуя урокам русской формальной школы, ученый смещает внимание на статичные и динамичные элементы в организации повествования как в отдельном произведении, так и в определенной жанровой системе. Тем не менее, поэтика призвана не столько для того, чтобы выявлять какие-то константные структуры, столько для того, чтобы обнаруживать способы означивания наличного и виды порождения новых смыслов. Словом, поэтика — это наука о нарративных трансформациях, которые реализуются в произведении. В этом отношении программным можно считать следующее замечание, сделанное в самом начале книги *Поэтика прозы*: «Великое произведение создает, некоторым образом,

новый жанр, но в то же время оно нарушает нормы жанры, которые действовали прежде. [...] Можно было бы сказать, что всякая великая книга устанавливает существование двух жанров, реальность двух норм: норму жанра, которую она нарушает, норму, что господствовала в предыдущей литературе; и норму жанра, которую она создает» (Todorov 1978: 10).

Следует заметить, что упор на понятии нормы в сборнике статей, каждую из которых, на первый взгляд, можно было счесть классическим образцом применения структурного метода в изучении литературы, представляет собой своего рода семантический анахронизм, или диссонанс, позволяющий достаточно определенно развести направленность работ Тодорова и, например, теоретическую позицию его учителя и старшего друга Р. Барта, который на рубеже 60–70-х годов стремился обосновать принципы имманентного текстового анализа литературного произведения.

Действительно, если в 70-е годы расхождение Тодорова с программными авторами «структурализма» было едва заметным, то в начале 80-годов его интеллектуальный маршрут круто изменился: установка на учреждение строгой науки о литературе, независимой от историко-политической конъюнктуры, уступает место более масштабным исследовательским проектам антропологического характера, направленным на изучение отдельных культур (*Завоевание Америки*, 1982), интеллектуальных традиций (*Мы и другие. Французские размышления о человеческом разнообразии*, 1989) или исторических периодов (*Французская трагедия. Лето 1944: сцены гражданской войны*, 1994). Несмотря на достаточно широкий диапазон исследовательских интересов Тодорова и необыкновенную творческую плодовитость (он является автором более 40 книг), его теоретическая позиция тяготеет к определенному единству, особенно во втором периоде интеллектуальной эволюции, который можно обозначить как «на пути к строгой морали»: оно определяется устремленностью к нормативной этике, к «своего рода категорическому императиву, моральной миссии, которая, не укладываясь в рамки литературоведения, распространяется на мир, события, социальную жизнь» (Buchet 1996: 1116)³.

Судя по всему, специальный интерес к Достоевскому возник у Тодорова в русле его исследований по русскому формализму, во всяком случае, в мемуарной книге *Долги и отрады* нет указаний на то, что он как-то особенно увлекался творчеством русского писателя в юношеские годы, проведенные в Болгарии. Так или иначе, но во второе, дополненное, издание книги *Поэтика прозы* (1978), была включена статья под названием «Игры инаковости: “Записки из подполья”». Уточним, что впервые эта работа была напечатана в 1972 году как предисловие к двуязычному из-

³ Более развернутую характеристику интеллектуальной эволюции ученого можно найти во вступительной заметке Г. К. Косикова к его беседе с Ц. Тодоровым (Тодоров 2006).

данию *Записок из подполья*; автором французской версии выступила Лили Дени (1919–2015), одна из самых авторитетных переводчиц русской классической литературы; впоследствии предисловие Тодорова неоднократно переиздавалось.

Прежде чем обратиться к обстоятельному рассмотрению этой замечательной работы, характер которой явно не укладывается в прокрустово ложе «структурализма», следует заметить, что именно изучение *Записок из подполья* подтолкнуло ученого к исследованию творчества М. М. Бахтина (1895–1975), результаты которого были представлены в книге *Михаил Бахтин: диалогический принцип* (1981), которая стала самой первой и одной из самых глубоких работ французской бахтинистики (Todorov 1981). В скором времени эта работа была переведена на целый ряд иностранных языков; на русском она заслужила запоздалую, но довольно обстоятельную и сочувственную рецензию под характерным названием «Бахтин и постструктуралистский поворот» (Горных 1997). В 1984 году Тодоров написал предисловие к французскому переводу «Эстетики словесного творчества», появление которого ознаменовало новый поворот в рецепции идей Бахтина во Франции (Bakhtine 1984). Позднее работы о Бахтине были дополнены историко-литературным очерком «Почему Бахтин и Якобсон так никогда и не увиделись» (Todorov 1997; Todorov 2009; Тодоров 2003). Кроме того, в 2002 году Тодоров опубликовал большую статью «Наследие Бахтина», в которой представил широкие семантические перспективы рецепции идей Бахтина в западной культуре, равно как выделил целый ряд недоразумений, связанных с ней (Todorov 2002b; Тодоров 2005). Возвращаясь к работам о Достоевском, заметим, что в 2007 году Тодоров выступил со программной статьей «Красота спасет мир», напечатанной в журнале *Теологические и религиозные исследования* (Todorov 2007), где Достоевский, наряду с Кантом, был представлен как творец высшего морального императива, призванного спасти человека как такового. В завершение этого библиографического отступления следует заметить, что скорее работы о Бахтине, чем работы о Достоевском, отмечены личностным настроем ученого, для которого понятие *внеаходимости*, как доминанты диалога, не только имело отвлеченный теоретический характер, но и обладало характером экзистенциальной константы: в определенном смысле Тодоров, преподавательская карьера которого была связана больше с американскими университетами, нежели с французскими, оставался «парижским болгаринном» или «парижским крестьянником»⁴, словом, чужаком среди парижских интеллектуалов.

Как уже было сказано, статья о *Записках из подполья* в 1978 году была включена во второе издание сборника *Поэтика прозы*, где она расположена между сугубо теоретической работой «Нарративные транс-

⁴ Так называется одна из глав в книге *Долги и отрады*.

формации», представляющей собой опыт развития отдельных положений поэтики повествования, содержащихся в работах В. Я. Проппа (1895–1970), и Б. В. Томашевского (1890–1957), и анализом романа Д. Конрада (1857–1924) *Сердце тьмы* (1902), который рассматривается не в виде приключенческого повествования, каковым он может казаться, а как опыт литературной гносеологии, рассказ о познании.

В этой связи, предвзято разбору работы Тодорова, важно заметить, представляя собственное видение текста Достоевского, что *Записки из подполья* также представляют собой повесть о познании: глагол «знать» и его производные многократно повторяются и обыгрываются в повествовании, образуя насыщенное сематическое поле, границы которого определяются, с одной стороны, первородной формулой «хочу все знать», тогда как с другой — философской максимой «я знаю, что ничего не знаю». Более того, следует полагать, что одна из ключевых проблем подпольного парадоксалиста напрямую связана со способностью человека познать другого человека, можно было бы даже сказать, что он бунтует против того знания, которое другие могут составить о нем: «Он знал меня наизусть. Меня взбесило, что он знает меня наизусть» (Достоевский 1973: 100). Словом, если и можно найти логику повествовательного поведения подпольного человека, то она отчетливо дает о себе знать в неизбывном стремлении уклониться от любых определений его самости, как внешних, которые идут от других, так и внутренних, которые он сам дает себе: «Я человек больной... Я злой человек <...>. Это я наврал про себя давеча, что я был злой <...> Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» (Достоевский 1973: 137). Настоящая подкладка парадоксалиста, самая крайняя правда его бытия, исподняя истина его существования заключается в том, что он — *никакой*, человек без свойств, человек в нулевой степени человечности. Но он не просто никакой, ибо способен быть каким угодно: он тот, кто был ничем, но готов стать всем. В подполье заключена своего рода виртуальная человечность, в том смысле, какой придавал понятию виртуальности Ж. Делёз (1925–1995), противопоставляя его понятию актуальности — нечто анонимное, имманентное, нейтральное, но предельно живое, «некая жизнь», согласно формуле французского философа (Deleuze 1995: 4), «живая жизнь», согласно формуле Достоевского (Достоевский 1973: 176).

Исследование Тодорова начинается с небольшого введения, в котором он дистанцируется от биографического подхода, указав, впрочем, на исключительную оправданность в случае Достоевского метода, связанного с изучением жизненного пути писателя. Русский писатель, остроумно замечает литературовед, «...имел несчастье прожить довольно бурную жизнь: какой эрудит-биограф устоял бы перед этой ситуацией, в которой каторга сопрягается страстью к игре, эпилепсией и бурными любовными связями?» (Todorov 1971, 1978: 133). Еще более решительно

Тодоров отмежевывается от философско-религиозного литературоведения: несмотря на то, что Достоевский «живо интересовался философскими и религиозными проблемами своего времени и передал эту страсть своим персонажам», интерпретационная критика, сосредоточенная на истолковании «идей», обходит молчанием вопросы «техники» романиста: «Распространенное заблуждение интерпретационной критики (в ее отличии от эрудитской критики) всегда сводилось (и по-прежнему сводится) к утверждению, что 1) Достоевский был *философом*, при этом «литературная форма» не принимается во внимание; 2) что Достоевский был *определенным* философом, при том что самый невинный взгляд сразу поражается невероятному многообразию философских, моральных, психологических концепций, встречающихся в его сочинениях» (Todorov 1971, 1978: 134). Дистанцируясь и от интерпретационной, и эрудитской критики, Тодоров определяет свой метод как поиск тех трансформаций, которые автор совершил в пространстве прозы или, точнее, в той подвижной совокупности, «которую мы называем *литературой*» (Todorov 1971, 1978: 134).

Все исследование Тодорова отличается определенной дидактичностью или, лучше будет сказать, стремлением представить своего рода манифест поэтологического исследования литературного текста. Оно разбито на пять небольших главок, каждая из которых представляет анализ определенного уровня общей организации повествования.

В первой, «Идеология повествователя», упор сделан на том, что подпольный парадоксалист не только не является выразителем мыслей автора, но выступает носителем собственной идеологии, которая стоит на трех китах: сознание, страдание, наслаждение. Эти три идеи перетекают одна в другую, составляя зыбкую, все время преходящую сущность персонажа, который постоянно ускользает, утекает от определений. У него нет внутреннего мира, поскольку он ведет перманентную войну против всех тех внешних идей, что могут прельстить взыскующего знания человека. Если привлечь те идеологические контексты, что сказываются как в тексте *Записок из подполья*, так и в элементах паратекста, в частности, в известных фрагментах «Маша лежит на столе», «Социализм и христианство» и примыкающих к нему набросках, то можно сказать, что подпольный человек в одиночку воюет против всех: «Я-то один, а они-то *все*» (Достоевский 1973: 125). Определяя идеологию рассказчика, Тодоров ссылается на работы В. Л. Комаровича (1894–1942), который в 20-е годы установил целый ряд мишеней полемических атак парадоксалиста (Todorov 1971, 1978: 140)⁵. Однако, если суммировать идеологические контексты, которые были установлены литературоведами 20-х го-

⁵ По всей видимости, Тодоров имеет в виду статью «“Мировая гармония” Достоевского», напечатанную в 1924 году в *Атенее*. См. новейшее комментированное издание работ одного из самых ярких русских литературоведов 20-х годов: (Комарович 2018).

дов и современными исследователями творчества русского писателя, то вряд ли можно принять основное положение первой главки работы Тодорова, в которой идеология рассказчика сводится к *антисоциализму*. Действительно, не будет большого преувеличения, если мы скажем, что бунт анонимного рассказчика направлен против *всех* влиятельных идеологий XVIII–XIX веков, в том числе, философии просвещения (Кант), естественного гуманизма (Руссо), утопического социализма (Фурье), исторического детерминизма (Бокль), философского индивидуализма (Штирнер), европейского механического материализма (Маркс), русского якобинства (Заичевский), разумного эгоизма (Чернышевский), позитивистской христологии (Ренан). Разумеется, можно утверждать, особенно опираясь на приведенные выше элементы паратекста, что рассказчик воюет за христианство, но это значило бы приписать персонажу всесветный «русский социализм» автора, устремленный к «единению во имя Христово». Однако автор, именно в силу сложившейся поэтики повествования, одним из новаторских элементов которой является опыт *инсценирования* абсолютно автономного сознающего себя сознания, независимого даже от творца, не отважился вложить в уста подпольного парадоксалиста самые вымученные, самые выношенные, самые головные свои размышления, в которых христианство меряется силами с социализмом, а поле битвы — сердца страстных идеологов. Посему персонаж остается именно ни с чем, а автор — при своем мнении, заявив в финальной реплике, что «здесь можно и остановиться». Не меняет сути дела и то известное обстоятельство, что цензура изъяла самые сокровенные, самые «положительно прекрасные» размышления автора о христианстве, ведь в последующих переизданиях текста им также не нашлось места.

Во второй главке работы, «Драма речи», Тодоров переходит с уровня идеологии на уровень организации динамики повествования. Если первый уровень является поверхностным, легко считываемым благодаря историческим исследованиям тех конкретных идеологических источников, которые составляли умственную реальность эпохи Достоевского, то второй уровень соотносится со способом *представления* идей подпольного человека. Главное здесь заключается в том, что, согласно Тодорову, *Записки из подполья* входят к категорию тех новаторских текстов XIX века, которые «изменяют нашу идею идеи и наше представление о представлении» (Todorov 1971, 1978: 144) (репрезентации). Именно через форму повествования от первого лица автор ставит под вопрос идеологические составляющие текста: «Драма, которую Достоевский инсценировал в “Записках из подполья”, есть драма слова, или речи, предполагающая постоянных протагонистов: рассуждение в настоящем времени — “это”; рассуждения других в прошедшем времени — “они”; “вы” или “ты” воображаемого собеседника, всегда готового обернуться слушателем; наконец, “я” субъекта высказывания — которое обнаруживает себя лишь в таких ситуациях, когда высказывание его высказывает. Та-

ким образом, предмет высказывания, вовлеченный в эту игру различных нарративных инстанций, утрачивает всякую стабильность, объективность, безличность: больше нет абстрактных идей, незыблемой кристаллизации, преданного забвению процесса; идеи стали столь же зыбкими, как и окружающий их мир» (Todorov 1971, 1978: 143). Идеи, которые представлены в *Записках из подполья*, не представляют собой результат процесса символизации: они являются составной частью этого процесса, иными словами, Достоевский снимает оппозицию между дискурсивным и миметическим элементами: идеи не суть лишь предмет символизации, они сами символизируют, будучи вовлеченными в «внутренний диалог», в котором субъект высказывания сам себя изобличает, сам себе противоречит, обвиняет себя во лжи, над смеется или иронизирует: все определения его характера, как внутренние, так и внешние повисают в воздухе.

Однако ироничная драматизация повествования, образующая второй уровень организации текста, не есть что-то самодостаточное: за ней находится собственно философский пласт повествования, в котором Достоевский передает тот характер межличностных отношений, который Гегель выразил в «диалектике господина и раба»: анализу этой диалектики, как она представлена в *Записках из подполья*, посвящена третья главка работы Тодорова, в которой ставится под вопрос прогрессистская концепция «Свободы, равенства и братства»: «Подпольный человек существует в мире, где главенствуют три ценности: низший, равный, высший. Однако они лишь кажутся однородным единством. Понятие “равный” существует не иначе, как объект отрицания: главная характеристика отношения “раб-господин” в том, что третий член всегда будет лишним. Тот, кто стремится к равенству, лишь подтверждает, что живет в царстве неравенства, ему уготована участь раба. Стоит рабу стать господином, как последний, оказавшись рабом, хочет занять место первого» (Todorov 1971, 1978: 147–148). Подпольный человек все время ищет равенства в отношениях с другими, доказывая тем самым, что он существует на положении раба. Он стремится стать господином, деспотом (в воспоминаниях о школьном товарище) или великодушным покровителем (в отношениях с Лизой), но все время возвращается к своему положению «униженного и оскорбленного», именно потому, что пытался унижить и оскорбить.

Диалектика «господина и раба» представляет собой конкретную репрезентацию более абстрактной философской оппозиции, которую Тодоров рассматривает в следующей главке своей работы, названной «Бытие и другой», в которой наглядно показано, что подпольный человек немислим вне отношения к другому: «Подпольный человек все время вынужден мириться со своим рабским положением; он жестоко страдает; тем не менее, все время стремится к нему. Почему? Потому что сама логика господина и раба не является конечной истиной, это лишь полагаемая видимость, которая скрывает сущностную предпосылку, каковую

необходимо принимать во внимание. Однако это средоточие, эта сущность, к которой мы получаем доступ, не может не вызвать удивления: в ней утверждается первостепенный характер отношения с другим, сама сущность бытия оказывается помещенной в другого...» (Todorov 1971, 1978: 152–153). Подпольный человек существует не иначе, как во взгляде другого человека: даже если другие избегают его взгляда, а сам он не хочет встретиться со взглядом другого человека, воззрение, равно презрение, образуют особую, поднадзорную, сущность подпольного человека, который, вместе с тем, все время стремится к тому, чтобы ускользнуть из под надзора, равно как от презрения другого человека, впрочем, безуспешно. Очевидно, что в своем анализе взгляда и роли другого в конституировании самости Тодоров следует основным положениям философии Ж.-П. Сартра (1905–1980), впрочем, нигде не упоминая отца-основателя французского экзистенциализма. Знаменитая формула «Ад — это другие» замечательно ложится на образ подпольного человека в его отношениях с другими. В этом отношении можно добавить, что в персонаже подпольного человека Достоевский показал такое бытие-для-себя, которое исключает всякое бытие-для-другого, стихию абсолютной свободы воли, точнее, произвола, или каприза.

Что же можно противопоставить произволу подпольного человека? В последней главке своей работы Тодоров убедительно показывает, что именно в персонаже Лизы заключается ответ Достоевского на все те вопросы, которыми изводит себя рассказчик или, точнее, сочинитель *Записок из подполья*. Ссылаясь на знаменитый фрагмент «Маша лежит на столе...», литературовед показывает, что именно поведение Лизы не укладывается ни в одну из логик, представленных в повести русского писателя: Лиза не принимает ни диалектики раба и господина, ни оппозиции бытия и другого, она любит другого ради него самого. Словом, подобно тому, как Флобер говорил, что «Мадам Бовари — это я», Достоевский мог бы сказать, что «Лиза — это я», в силу чего *Записки из подполья* обретают гораздо больше света, нежели может показаться, если принять за истину возможность отождествления автора и подпольного человека.

Как можно убедиться, прочтение Тодорова никоим образом не сводится к сугубо структуралистскому подходу в анализе литературного текста. Напротив, размышления ученого о многоуровневой организации повествования в повести Достоевского открывают перспективы более глубокого постижения тех бездн, провалов, пустот, изведать которые случилось автору, передоверившему персонажу свой уникальный опыт столкновения с ничтожеством человечности в человеке: каторга, рулетка, любовные треугольники, борьба за признание. Подпольная мышь, ничемное, но сладострастное насекомое, тварь дрожащая — это все равно человек, без преодоления которого, другому человеку не увидеть ни света, ни живой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Горных Андрей. «Бахтин и постструктуралистский поворот». *Диалог. Карнавал. Хронотон* 2 (1997). URL: <http://nevmenandr.net/dkx/?abs=GORNYKH&n=3&y=1997>.
- Достоевский Федор. *Записки из подполья*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений в 30-ти томах*. Т. 5. Л.: Наука, 1973.
- Кант Иммануил. *Критика чистого разума*. Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994.
- Комарович Василий. «Весь устремление»: *Статьи и исследования о Ф. М. Достоевском*. Сост., отв. ред. и автор вступит. ст. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018.
- Кюссе Франсуа. «Теория-норма: продолжительность влияния». *Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре*. Отв. ред. С. Н. Зенкин. М.: Новое литературное обозрение, 2005: 58–72.
- Тодоров Цветан. «Поэтика». Пер. А. К. Жолковского. *Структурализм: «за» и «против*. *Сборник статей*. Под. ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: «Прогресс», 1975: 37–113.
- Тодоров Цветан. «Монолог и диалог: Якобсон и Бахтин». Пер. с франц. Ю. Пухлий. *Диалог. Карнавал. Хронотон* 1–2 (2003). Специальный выпуск. *М. М. Бахтин в контексте мировой культуры*. М.: Языки славянской культуры, 2003: 250–275.
- Тодоров Цветан. «Наследие Бахтина». Пер. с франц. Ю. Пухлий. *Вопросы литературы* 5 (2005): 7–21.
- Тодоров Цветан. «Без ангелов мы обойтись можем, а вот без других людей — нет». Беседу вел Г. Косиков. Вступительная заметка, примечания Г. Косикова; перевод с франц. Ю. Пухлий. *Вопросы литературы* 1 (2006): 58–73.
- Русская теория. 1920–1930-е годы: материалы 10-х Лотмановских чтений, Москва, дек. 2002 г.* Сост. и отв. ред. С. Н. Зенкин. М.: РГГУ, 2004.
- Bakhtine Mikhaïl. *Esthétique de la création verbale*. Traduit par Alfreda Aucouturier. Préface de Tzvetan Todorov. Paris: Gallimard, 1984.
- Buchet Bernadette. «Todorov (Tzvetan)». *Dictionnaire des intellectuels français*. Sous la direction de J. Julliard et M. Winock. Paris: Seuil, 1996.
- Cusset François. *French Theory : Foucault, Derrida, Deleuze, & Cie et les mutations de la vie intellectuelle aux États-Unis*. Paris: La Découverte, 2003.
- Deleuze Gille. «L'immanence : une vie». *Philosophie* 47 (1995).
- Ferry Luc, Renaut Alain. *La pensée 68. Essai sur l'anti-humanisme contemporain*. Paris: Gallimard, Paris, 1985.
- Todorov Tzvetan. *Poétique de la prose*. Paris: Seuil, 1971, 1978.
- Todorov Tzvetan. *Poétique*. Paris: Seuil, 1973.
- Todorov Tzvetan. *Mikhaïl Bakhtine. Le principe dialogique. Suivi de: Ecrits du Cercle de Bakhtine*. Paris: Seuil, 1981.
- Todorov Tzvetan. «Pourquoi Jakobson et Bakhtine ne se sont jamais rencontrés». *Esprit* 228/1 (1997): 5–30.
- Todorov Tzvetan. *Devoirs et délices. Une vie de passeur. Entretiens avec C. Portevin*. Paris: Seuil, 2002a.
- Todorov Tzvetan. «L'Héritage de Bakhtine». *Les Facettes du dire. Hommage à Oswald Ducrot*. Paris: Kimé, 2002b: 341–347.
- Todorov Tzvetan. «La beauté sauvera le monde». *Études théologiques et religieuses* 82/3 (2007): 321–335.
- Todorov Tzvetan. *La Signature humaine. Essais 1983–2008*. Paris: Seuil, 2009: 103–137.

LITERATURE

- Bakhtine Mikhaïl. *Esthétique de la création verbale*. Traduit par Alfreda Aucouturier. Préface de Tzvetan Todorov. Paris: Gallimard, 1984.
- Buchet Bernadette. «Todorov (Tzvetan)». *Dictionnaire des intellectuels français*. Sous la direction de J. Julliard et M. Winock. Paris: Seuil, 1996.

- Cusset François. *French Theory: Foucault, Derrida, Deleuze, & Cie et les mutations de la vie intellectuelle aux États-Unis*. Paris: La Découverte, 2003.
- Deleuze Gille. «L'immanence: une vie». *Philosophie* 47 (1995).
- Dostoievskii Fedor. «Zapiski iz podpol'ia». Dostoyevskiy Fedor. *Polnoe sobranie sochinenii v 30-ti tomakh*. T. 5. L.: Nauka, 1973.
- Ferry Luc, Renaut Alain. *La pensée 68. Essai sur l'anti-humanisme contemporain*. Paris: Gallimard, Paris, 1985.
- Gornykh Andrei. «Bakhtin i poststrukturalistskii povorot». *Dialog. Karnaval. KHronotop* 2 (1997). URL: <http://nevmenandr.net/dkx/?abs=GORNYKH&n=3&y=1997>
- Kant Immanuel. *Kritika chistogo razuma*. Per. s nem. N. Losskogo. M.: Mysl', 1994.
- Komarovich Vasilii. «Ves' ustremlenie»: Stat'i i issledovaniia o F. M. Dostoevskom. Sost., otv. red. i avtor vstupit. st. O. A. Bogdanova. M.: IMLI RAN, 2018.
- Kyusse Fransua. «Teoriia-norma: prodolzhitel'nost' vliianiia». *Respublika slovesnosti. Frantsiia v mirovoi intellektual'noi kul'ture*. Otiv. red. S. N. Zenkin. M.: Novoe lit. obozrenie, 2005: 58–72.
- Russkaia teoriia. 1920–1930-e gody: materialy 10-kh Lotmanivskikh chtenii, Moskva, dek. 2002 g. Cost. i otv. red. S. N. Zenkin. M.: RGGU, 2004.
- Todorov Tzvetan. *Poétique de la prose*. Paris: Seuil, 1971, 1978.
- Todorov Tzvetan. *Poétique*. Paris: Seuil, 1973.
- Todorov Tsvetan. «Poetika». Per. A. K. Zholkovskogo. *Strukturalizm: «za» i «protiv»*. *Sbornik statei*. Pod. red. E. Ia. Basina i M. Ia. Poliakova. M.: «Progress», 1975: 37–113.
- Todorov Tzvetan. *Mikhail Bakhtine. Le principe dialogique. Suivi de: Ecrits du Cercle de Bakhtine*. Paris: Seuil, 1981.
- Todorov Tzvetan. «Pourquoi Jakobson et Bakhtine ne se sont jamais rencontrés». *Esprit* 228/1 (1997): 5–30.
- Todorov Tzvetan. *Devoirs et délices. Une vie de passeur. Entretiens avec C. Portevin*. Paris: Seuil, 2002a.
- Todorov Tzvetan. «L'Héritage de Bakhtine». *Les Facettes du dire. Hommage à Oswald Ducrot*. Paris: Kimé, 2002b: 341–347.
- Todorov Tsvetan. «Monolog i dialog: Iakobson i Bakhtin». Per. s frants. Iu. Pukhlii. *Dialog. Karnaval. KHronotop*. 2003. №1–2. Spetsial'nyi vypusk. *M. M. Bakhtin v kontekste mirovoi kul'tury*. M.: Iazyki slavyanskoï kul'tury. 2003: 250–275.
- Todorov Tsvetan. «Nasledie Bakhtina». Per. s frants. Iu. Pukhlii. *Voprosy literatury* 5 (2005): 7–21.
- Todorov Tsvetan. «Bez angelov my oboitis' mozhem, a vot bez drugih liudei — net». Besedu vel G. Kosikov. *Vstupitel'naia zametka, primechaniia G. Kosikova; perevod s frants. Iu. Pukhlii. Voprosy literatury* 1 (2006): 58–73.
- Todorov Tzvetan. «La beauté sauvera le monde». *Études théologiques et religieuses* 82/3 (2007): 321–335.
- Todorov Tzvetan. *La Signature humaine. Essais 1983–2008*. Paris: Seuil, 2009: 103–137.

Сергеј Фокин

ЦВЕТАН ТОДОРОВ И ЗАПИСИ ИЗ ПОДЗЕМЉА

Резиме

У раду се разматра рецепција стваралаштва Ф. М. Достојевског у научним истраживањима једног од најутицајнијих стручњака за књижевност у Француској друге половине XX века, Ц. Тодорова. Водећи се методом историје идеја, усмереном не толико на систематску реконструкцију неке доктрине, колико на нарочиту пажњу према различитим контекстима реализације мисли — биографском, историјском, политичком, социолошком — аутор долази до ставова у којима се разоткрива вишеслојна организа-

ција романа *Зайиси из њодземља*, представљена у програмском тексту француског научника. Ради се о идеологији јунака, приповедачкој структури, дијалектици роб-господар, философији „сопства и другог“ и, напоследку, о речи аутора, садржаној у лику Лизе, која се ничим не уклапа у логику текста Достојевског. Закључци рада свODE се на став да размишљања француског научника о вишеслојној организацији приповедања у *Зайисима из њодземља* отварају перспективу за дубље разумевање оних бездана, провалија, пустоши које је Достојевски имао да искуси, али и да повери јунаку своје јединствено искуство сударања са ништавношћу човечности у човеку: робија, рулет, љубавни троуглови, борба за признање.

Кључне речи: Достојевски, *Зайиси из њодземља*, Тодоров, француска интелектуална револуција, структурализам, дијалектика роб-господар.